

В. Г. Белинский

Собрание стихотворений Ивана Козлова

Виссарион Григорьевич Белинский

Собрание стихотворений Ивана Козлова

«...Козлов – поэт чувства, точно так же, как Баратынский – поэт мысли (то есть поэтического раздумья, а не рассудочного резонерства). Поэтому не ищите у Козлова художественных созданий, глубоких и мирообъемлющих созерцаний; ищите в нем одного чувства, – и вы найдете в его двух книжках много прекрасного, едва ли не наполовину с посредственным...»

**Виссарион Григорьевич
Белинский
Собрание стихотворений
Ивана Козлова**

*СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ ИВАНА
КОЗЛОВА. Третье издание. Санкт-Пе-
тербург. В типографии III отд. собств.
е. и. в. канцелярии. 1840. В двух частях.
В 8-ю д. л. В I-й части 315, во II-й – 367
стр.*

Странное зрелище представляет собою наша литература! Не годами, а целыми веками, и не чертою, а целым океаном пространства отделены мы, люди новейшего поколения, от интересов, понятий, чувств, самых форм, которые, например, видим – не говорим, в сочинениях Державина, нет – в сочинениях самого Карамзина; а между тем Карамзин умер в 1826 году, следовательно, назад тому каких-нибудь 14 лет, и едва ли прошло 50 лет, как Карамзин начал сближать с Европою и преобразовывать нашу литературу, наш язык, словом, создавать литературу и публику!.. Двадцатые года текущего века ознаменовались сильным движением в нашей литературе: явился Пушкин с дружиною молодых, замечательных талантов, – и вот мы, вскормленные и взлелеянные их звуками, не прошли, может быть, еще и половины дороги своей жизни, а уже нет и Пушкина, нет и многих из его сподвижников! Итак, мы детьми встретили новый и самый цветущий период нашей литературы и юношами проводили его до могилы... А сколько утрат понесла наша литература в лице ее представителей,

похищенных смертью, большею частью безвременною! Четвертое десятилетие текущего века было особенно траурною годиною для нашей литературы; Мерзляков, Гнедич, Дельвиг, Пушкин, Полежаев, Марлинский, Дмитриев, Давыдов умерли в продолжение каких-нибудь десяти лет. За исключением Дмитриева, умершего в полноте лет, вполне совершившего свое призвание, другие умерли, еще не сделав всего, чего можно было ожидать от их дарований, как, например, Мерзляков и Гнедич; Марлинский умер рано для своих многочисленных почитателей, но в самую пору, чтоб не видеть падения своей славы; остальные слишком рано умерли и для себя и для публики... И между ими он, который один мог составить эпоху во всякой литературе; он, еще только вполне созревший для великих созданий, хотя уже и много создавший великого и бессмертного...{1} Увы!

*Сколько бодрых жизнь поблекла!
Сколько низких рок щадит!..
Нет великого Патрокла;
Жив презрительный Терсит.*

.....

*Мир тебе во тьме Эреба!
Жизнь твою не враг пожал:
Ты своею силой пал,
Жертва гибельного гнева!*

.....
*Слава дней твоих нетленна;
В песнях будет цвесть она:
Жизнь живущих неверна,
Жизнь отживших неизменна!{2}*

Козлов был последнею жертвою смертоносного для нашей литературы десятилетия {3}. Но его смерть не могла быть для нас поразительна: он уже сделал все, что мог сделать, и выпил до дна всю чашу страдания: смерть была для него успокоением{4}. Наш долг теперь – оценить его подвиг, указать место, которое должно занимать его имя на страницах истории русской литературы.

Слава Козлова была создана его «Чернецом». Несколько лет эта поэма ходила в рукописи по всей России прежде, чем была напечатана. Она взяла обильную и полную дань слез с прекрасных глаз; ее знали наизусть и мужчины. «Чернец» возбуждал в публике не меньший интерес, как и первые поэмы Пушкина, с тою только разницею, что его совер-

шенно понимали: он был в уровень со всеми натурами, всеми чувствами и понятиями, был по плечу всякому образованию. Это второй пример в нашей литературе, после «Бедной Лизы» Карамзина. «Чернец» был для двадцатых годов настоящего столетия тем же самым, чем была «Бедная Лиза» для девяностых годов прошедшего и первых нынешнего века. Каждое из этих произведений прибавило много единиц к сумме читающей публики и пробудило не одну душу, дремавшую в прозе положительной жизни. Блестящий успех при самом появлении их и скорый конец – совершенно одинаковы: ибо, повторяем, оба эти произведения совершенно одного рода и одинакового достоинства: вся разница во времени их явления, и, в этом отношении, «Чернец», разумеется, гораздо выше{5}.

Содержание «Чернеца» напоминает собою содержание Байронова «Джяура»; есть общее между ими и в самом изложении. Но это сходство чисто внешнее: «Джяур» не отражается в «Чернеце» даже и как солнце в малой капле воды, хотя «Чернец» и есть явное подражание

«Джяуру». Причина этого заключается сколько в степени талантов обоих певцов, столько и в разности их духовных натур. «Чернец» полон чувства, насквозь проникнут чувством – и вот причина его огромного, хотя и мгновенного успеха. Но это чувство только тепло, не глубоко, не сильно, не всеобъемлюще. Страдания чернеца возбуждают в нас сострадание к нему, а его терпение привлекает к нему наше расположение, но не больше. Покорность воле провидения (resignation[1]) – великое явление в сфере духа; но есть бесконечная разница между самоотречением голубя, по натуре своей неспособного к отчаянию, и между самоотречением льва, по натуре своей способного пасть жертвою собственных сил: самоотречение первого только неизбежное следствие несчастья, но самоотречение второго – великая победа, светлое торжество духа над страстями, разумности над чувственностью. Вот почему даже лютое отчаяние, если оно является в форме несокрушимой силы духа, горделиво и презрительно несущей свое несчастье, – в тысячу раз сильнее и обаятельнее действует на нашу душу, чем бессильное

смирение, тихо льющее сладкие слезы примирения. Примирение – самый торжественный акт духа, но только тогда, когда он совершенно свободен и совершается собственной силой человека. Глубок и велик тот, в ком лежит возможность не одного примирения, но и вечного разрыва с общим, возможность несокрушимой гордыни и самого падения духа, оскорбленного противоречием жизни.

Тем не менее страдания чернеца, высказанные прекрасными стихами, дышащими теплотой чувства, пленили публику и возложили миртовый венок на голову слепца-поэта. Собственное положение автора еще более возвысило цену этого произведения. Он сам особенно любил его перед всеми своими со-зданиями, как это видно из его поэтической исповеди, предшествующей поэме:

*О, сколько раз я плакал над стру-
нами,
Когда я цел страданья чернеца,
И скорбь души, обманутой меч-
тами,
И пыл страстей, волнующих серд-
ца!*

*Моя душа сжилась с его душою:
Я с ним бродил во тьме чужих ле-
сов;
С его родных днепровских берегов
Мне веяло знакомою тоскою.
Быть может, мне так сладко не
мечтать!
Быть может, мне так стройно
не певать!*

И в самом деле, две другие поэмы Козлова: «Княгиня Наталья Борисовна Долгорукая» и «Безумная» уже далеко не то, что «Чернец». В них, особенно в первой, есть прекрасные поэтические места, но в них нет никакого содержания, почему они растянуты и скучны в целом. В «Безумной» даже нет никакой истины: героиня – немка в овчинном тулупе, а не русская деревенская девка{6}. Кроме того, обе эти поэмы, несмотря на разность содержания их, суть не что иное, как повторение «Чернеца»: слова другие, но мотив тот же, – а одно и то же утомляет внимание, перестает возбуждать участие. Вот почему две последние поэмы не имели никакого успеха, тогда как успех «Чернеца» был чрезвычайный. Как целое, эта поэма уже нема для нашего времени; но многие

частности и теперь еще прочтутся с наслаждением, особенно если все стихи в них так ровно прекрасны, как эти:

*... Дней моих весною
Уж я все горе жизни знал;
Я взрос бездомным сиротою,
Родимой ласки не видал;
Веселья детства пролетали,
Едва касаясь до меня;
Когда ровесники играли,
Уже задумывался я;
Огонь и чистый и прекрасный
В молодой груди пылал напрасно:
Мне было некого любить!
Увы! я должен был таить,
Страшась холодного презренья,
От неприветливых людей
И сердца пылкого волненья,
И первый жар души моей.
Уныло расцветала младость,
Смотрел я с дикостью на свет,
Не знал я, что такое радость
От самых отроческих лет;
Ни с кем любви не разделяя,
Жил нелюдимо в тишине, —
И жизнь суровая, простая
Отрадною казалась мне.
Любил я по лесам скитаться,*

*День целый за зверьми гоняться,
Широкий Днепр переплывать,
Любил опасностью играть,
Над жизнью дерзостно смеяться:
Мне было нечего терять,
Мне было не с кем расставаться!*

Первая часть этого третьего издания сочинений Козлова включает в себе три его поэмы, о которых мы сейчас говорили, известное его послание «К другу В. А. Ж.»{7}, интересное, как поэтическая исповедь слепца-поэта, балладу «Венгерский лес», Байронову «Абидосскую невесту», «Крымские сонеты» Адама Мицкевича и «Сельский субботний вечер в Шотландии». Что до баллады – кроме хороших стихов, она не имеет никакого значения, ибо принадлежит к тому ложному роду поэзии, который изобретает небывалую действительность, выдумывает Велед, Изведов, Останов, Свежанов, никогда не существовавших, и из славянского мира создает немецкую фантастическую балладу. Перевод «Абидосской невесты» – весьма замечательная попытка; но сжатости, энергии, молниеносных очерков оригинала в нем нет и тени. – Также замеча-

телен перевод и «Крымских сонетов» Мицкевича; но отношение его к оригиналу точно такое же, как и перевода «Абидосской невесты» к ее подлиннику. Одно уже то, что иногда 16-ю, 18-ю и 20-ю стихами переводит Козлов 14 стихов Мицкевича, показывает, что борьба была неравная. – «Сельский субботний вечер в Шотландии» есть не перевод из Борнса, а вольное подражание этому поэту. Жаль! потому что эту превосходную пьесу Козлов мог бы перевести превосходно; а как подражание – она представляет собою что-то странное. Не понимаем, к чему, после прекрасного обращения шотландского поэта к своей родине, переводчик (в XIX строфе) вдруг обратился к России. Положим, что его обращение полно патристического жара; но уместно ли оно – вот вопрос! Не смешно ли было бы, если б в переводе «Илиады» Гнедич, после гомеровского обращения к музе, вдруг обратился от себя с воззванием, например, к Хераскову? А жизнь шотландская, представляемая Борнсом в его прекрасной идиллии, столько же похожа на жизнь наших мужиков, баб, ребят, парней и девок, сколько муза Каллиопа{8} на Хераско-

ва.

С большим удовольствием обращаемся ко второй части стихотворений Козлова. Она вся состоит из мелких лирических пьес и из отрывочных переводов; но в них-то поэтический талант Козлова и является с своей истинной стороны и в более блестящем виде. Конечно, не все лирические стихотворения Козлова равно хороши: наполовину наберется посредственных, есть и совершенно неудачные; даже большая часть лучших – переводы, а не оригинальные произведения; наконец, и из самых лучших многие не выдержаны в целом и отличаются только поэтическими частностями; но тем не менее самобытность замечательного таланта Козлова не подлежит ни малейшему сомнению. Его нельзя отнести к числу художников: он поэт в душе, и его талант был выражением его души. Посему, талант его тесно был связан с его жизнью. Лучшим доказательством этому служит то, что без потери зрения Козлов прожил бы весь век, не подозревая в себе поэта. Ужасное несчастье заставило его познакомиться с самим собою, заглянуть в таинственное свя-

тилище души своей и открыть там самородный ключ поэтического вдохновения. Несчастье дало ему и содержание, и форму, и колорит для песен, почему все его произведения однообразны, все на один тон. Таинство страдания, покорность воле провидения, надежда на лучшую жизнь за гробом, вера в любовь, тихое уныние, кроткая грусть, – вот обычное содержание и колорит его вдохновений. Присовокупите к этому прекрасный, мелодический стих – и муза Козлова охарактеризована вполне, так что больше о нем нечего сказать. Впрочем, его музе не чужды и звуки радости и роскошнее картины жизни, наслаждающейся самой собою.

*Ночь весенняя дышала
Светло-южною красой;
Тихо Брента протекала,
Серебримая луной;
Отражен волной огнистой
Блеск прозрачных облаков,
И восходит пар душистый
От зеленых берегов.
Свод лазурный, томный ропот
Чуть дробимыя волны,
Померанцев, миртов шепот*

И любовный свет луны,
Упоенья аромата
И цветов и свежих трав,
И вдали напев Торквата
Гармонических октав.
Все вливает тайно радость,
Чувствам снится дивный мир;
Сердце бьется; мчится младость
На любви весенний пир.
По водам скользят гондолы;
Искры брызжут под веслом;
Звуки нежной баркаролы
Веют легким ветерком.

.....
Но гуще тень ночная,
И красот цветущий рой,
В неге страстной утопая,
Покидает пир ночной.
Стихли пышные забавы;
Все спокойно на реке;
Лишь Торкватовы октавы
Раздаются вдалеке{9}.

Какая роскошная фантазия! какие гармонические стихи! что за чудный колорит – полупрозрачный, фантастический! И как прекрасно сливается эта выписанная нами часть стихотворения с другою – унылою и груст-

ною, и какое поэтическое целое составляют они обе!..{10}

Многие удивлялись в Козлове верности его картин природы, яркости их красок, – ничего нет удивительного: воспоминание прошедшего сильнее в нас при лишении настоящего; чего страстно желаем мы, то живо и представляем себе, а чего сильнее желает слепец, как не созерцания картин и форм жизни?

.....
*Италия, Торкватова земля,
Ты не была, не будешь мною зри-
ма,
Но как ты мной, прекрасная, лю-
бима!
Мне видятся полуденные розы,
Душистые, лимонные леса,
Зеленый мирт и виноградны лозы,
И синие, как яхонт, небеса.
Я вижу их, и тихо льются слезы...
Италия, мила твоя краса,
Как первое любви молодой мечта-
нье,
Как чистое младенчества дыха-
нье.
С высот летят сияющие воды,
Жемчужные – над безднами го-*

рят;
Таинственных видений хороводы,
Прозрачные – вокруг гор твоих кипят;
Твои моря, не зная непогоды,
Зеленые – струятся и шумят;
Воздушный пир – твой вечер благодатный
С прохладой и негой ароматной.
Луна взошла, а небосклон пылает
Последнею багряною зарей;
Высокий свод безоблачно сияет,
Весь радужной подернут пеленой,
И яркий луч, сверкая, рассыпает
Блеск розовый над сонною волной;
Но гаснет он под ризою ночною;
Залив горит, осеребрен луною{11}.

Прекрасно высказана Козловым тайна этих видений незрячими очами:

Так узник в мрачной тишине
Мечтает о красах природы,
О солнце ярком, о луне,
О том, что видел в дни свободы,
Уснет ли он? В его очах
Леса, поля, река в цветах,
И, пробудясь, вздыхает он,
Благословляя светлый сон{12}.

Козлов – поэт *чувства*, точно так же, как Баратынский – поэт мысли (то есть поэтического раздумья, а не рассудочного резонанса). Поэтому не ищите у Козлова художественных созданий, глубоких и мирообъемлющих созерцаний; ищите в нем одного чувства, – и вы найдете в его двух книжках много прекрасного, едва ли не наполовину с посредственным. От этого все переводы его отличаются одним колоритом – тем же самым, как и его оригинальные произведения. Укажем здесь на лучшие из тех и из других: «На погребение английского генерала сира Джона Мура», «Венецианская ночь», «Плач Ярославны», «К Италии», «Португальская песня», «К радости», «Добрая ночь», «На отъезд», «Обвоплощение», «К Тирзе», «Романс» («Есть тихая роща у быстрых ключей...»), «Еврейская мелодия», «Вечерний звон», «К полевой маргаритке», «К тени Дездемоны», «Из Байронова «Дон Жуана» («О любо нам...»), «Новые стансы», «Романс Дездемоны», «Нас семеро», «Подражание сонету Мицкевича» («Увы! несчастлив тот...»), «Стансы» («Настала тень...»), «Стансы» (*Подражание Петрарке*), «К ней», «Ночь» (эле-

гия), «Молитва» (последняя предсмертная пьеса Козлова) и несколько пьес, переведенных из Андрея Шенье. Кстати о переводах: «Добрая ночь», «Обворожение» и некоторые другие напоминают своим достоинством образцовые переводы Жуковского. Выписываем здесь три пьесы, переведенные Козловым из Байрона, Мицкевича и Шенье, как доказательство, что он мог усвоивать русской литературе драгоценнейшие перлы иностранных литератур.

*Прости! уж полночь – над луною,
Ты видишь, облако летит;
Оно туманной пеленою
Сиянье неявное мрачит.
Я мчуся вдаль, мой парус веет,
Шумит разлучница-волна.
Едва ли прежде прояснеет
На своде пасмурном луна.
И я, как облако густое,
Тебя, луна моя, затмил;
Я горем сердце молодое
И взор веселый омрачил.
Твой цвет, и радостный, и нежный,
Моей любовью опален.
Свободна ты, – мой жар мятеж-*

ный
Забудь скорей, как страшный сон!
Не увлекись молвою шумной!
Убило светлые мечты
Не то, что я любил безумно,
Но что не так любила ты.
Прости – не плачь! уже редееет
Туман пред ясною луной,
Взыграло море, парус веет, —
И я в челнок бросаюсь мой.

(Из Байрона){13}

Увы! несчастлив тот, кто любит
безнадежно;
Несчастнее его – кто создан не
любить.
Но жизнь тому страшней, в чьем
сердце пламень нежный
Погас – и кто любви не может по-
забыть!
На взоры наглые торгующих со-
бой
С презреньем смотрит он, живет
еще с мечтою,
Но в чистом ангеле невинность с
красотой, —
Как сметь ему любить увядшею
душою!

Святое дней младых волнует дух
поныне,
Но память и о них страстьми
отравлена,
С надеждою навек душа разлуче-
на,
От смертной прочь спешит и сам
нейдет к богине.
В нем сердце, как в степи давно
забытый храм,
На жертву преданный и тленью и
грозам,
В котором мрачно все, лишь ветер
пустынный веет,
Жить боги не хотят, а человек не
смеет{14}.

* * *

Стремятся не ко мне с любовью и
хвалами;
И много от сестры отстала я го-
дами.
Душистый ли цветок мне юноша
дарит —
Он мне его дает, а на сестру гля-
дит;
Любуется ль моей младенческой

красою, —
Всегда примолвит он: как я сход-
на с сестрою.
Увы, двенадцать раз лишь мне
весна цвела!
Мне в песнях не поют, что я серд-
цам мила,
Что я плененных мной изменой
убиваю!
Но что же – подождем, мою кра-
су я знаю —
Я знаю: у меня, во блеске моло-
дом,
Есть алые уста с их ровным жем-
чугом,
И розы на щеках, и кудри золотые,
Ресницы черные и очи голубые...
(Из Андрея Шенье){15}

Последняя пьеса, отличающаяся в подлин-
нике пластической художественностью в вы-
ражении, и переведена пластически художе-
ственно. Так переводить могут только истин-
ные таланты, которых немного бывает во вся-
кой литературе.

Не понимаем, почему Козлов никогда не
включал в собрания своих сочинений своей

поэмы «Байрон», посвященной Пушкину и напечатанной в «Новостях литературы», издававшихся покойным Воейковым, 1824 (книжка десятая, стр. 85){16}. Эта поэма есть апофеоза всей жизни Байрона; в целом она не выдержана, но отличается поэтическими частностями. Вот начало этого стихотворения:

*Среди Альбиона туманных холмов,
В долине, тиши обреченной,
В наследственном замке, под тенью дубов,
Певец возрастал вдохновенной.
И царская кровь в вдохновенном текла,
И золота много судьбина дала;
Но юноша гордый, прелестный
Высокого сана светлее душой;
Казну его знают вдова с сиротой
И звон его арфы чудесный.*

*И в бурных порывах всех чувств
молодых
Всегда вольнолюбье дышало,
И острое пламя страстей роковых
В душе горделивой пылало.*

Встревожен дух юный, без горя
печаль
За призраком тайным влечет его
вдаль —
И волны под ним зашумели!
Он арфу хватает дрожащей ру-
кой,
Он жмет ее к сердцу с угрюмой
тоской, —
Таинственно струны звенели.

Скитался он долго в восточных
краях
И чудную славил природу;
Под радостным небом, в души-
стых лесах
Он пел угнетенным свободу.
Страданий любви исступленный
певец,
Он высказал сердцу все тайны сер-
дце,
Все буйных страстей упоенья.
То радугой блещет, то в мраке
ночном
Сзывает он тени волшебным жез-
лом
И грозно-прелестны виденья.

*И время задумчиво в песнях тек-
ло,
И дивные песни венчали
Лучами бессмертья младое чело;
Но мрака с лица не согнали.
Уныло он смотрит на свет и лю-
дей,
Он бурно жизнь отжил весною
своей;
Надеждам он верить страшится.
Дум тяжких, глубоких в нем вид-
ны черты;
Кипучая бездна огня и мечты,
Душа его с горем дружится.*

Это стихотворение не помещено и в но-
вом, посмертном издании сочинений Козло-
ва. Не понимаем также, почему ни в общем
оглавлении пьес, ни при заглавии каждой
пьесы отдельно не выставлено, откуда она пе-
реведена или заимствована. Кажется, стихо-
творение «К морю», которым начинается вто-
рая часть, переведено Козловым из Байрона;
но вот странность: первый куплет этой пьесы
есть не что иное, как известная элегия Ба-
тюшкова. Сличите сами:

Есть наслаждение и в дикости ле-

сов,
Есть радость на приморском бре-
ге,
И есть гармония в сем говоре ва-
лов,
Дробящихся в пустынном беге.
Я ближнего люблю – но ты, при-
рода-мать,
Для сердца ты всего дороже!
С тобой, владычица, привык я за-
бывать
И то, чем был, как был моложе,
И то, чем ныне стал под холодом
годов;
Тобою в чувствах оживаю:
Их выразить душа не знает
стройных слов,
И как молчать об них, не знаю.

А вот первая строфа стихотворения «К мо-
рю», кажется, переведенного Козловым из
Байрона:

Отрада есть во тьме лесов дре-
мучих,
Восторг живет на диких берегах,
Гармония слышна в волнах кипу-
чих,
И с морем есть беседа на скалах.

*Мне ближний мил, но там, в моих мечтах,
Что я теперь, что был – позабываю;
Природу я душою обнимаю,
Она милей; постичь стремлюся я
Все то, чему нет слов, но что таить нельзя.*

Не одно ли это и то же?..{17}

Новое издание стихотворений Козлова не только опрятно и красиво, но даже изящно.

Сноски

1

самоотречение (*франц.*). – *Ред.*

[^^^]

[^^^]

Комментарии

1

Имеется в виду Пушкин.

[^^^]

2

Неточная цитата из баллады Жуковского «Торжество победителей» (1828), являющейся переводом баллады Шиллера «Победный праздник».

[^^^]

3

И. И. Козлов скончался в 1840 г.

[^^^]

4

Последние два десятилетия жизни Козлов тяжело болел, а в 1821 г. он ослеп. Но именно в эти годы раскрылось его дарование.

[^^^]

5

Поэма «Чернец», целиком напечатанная в 1825 г., писалась под влиянием романтических поэм Байрона и Пушкина, но в изображении главного героя Козлов был вполне оригинален. «Чернец» встретил на редкость всеобщее и восторженное признание литературных кругов и широкой публики. Вяземский 22 апреля 1825 г. писал А. И. Тургеневу: «Я восхищаюсь «Чернецом»: в нем красоты глубокие, и скажу тебе на ухо – более чувства,

более размышления, чем в поэмах Пушкина» («Остафьевский архив князей Вяземских», т. III, СПб., 1899, с. 114). 7 января того же года Баратынский писал автору поэмы: «...это <«Чернец»> прекрасное, по моему мнению, произведение. Положения в нем отличаются силой, слог полон жизни и блещет красками... я хочу не только вас читать, – я хочу вас изучать» (Е. А. Баратынский. Стихотворения. Поэмы. Проза. Письма. М., Гослитиздат, 1951, с. 473). В мае 1825 г. Пушкин писал брату: «Повесть его (Козлова) прелесть... Видение, конец прекрасны» (Пушкин, т. X, с. 142). Пушкин обратился к Козлову со стихотворным посланием:

*Певец, когда перед тобой
Во мгле сокрылся мир земной,
Мгновенно твой проснулся гений,
На все минувшее воззрел
И в хоре светлых привидений
Он песни дивные запел.*

[^^^]

6

В оценке «Безумной» критик перекликается с А. А. Дельвигом (см.: «Литературная газета», 1830, № 68, 2 декабря) и с Н. И. Надеждиным (см.: «Телескоп», 1831, ч. I, с. 117).

[^^^]

7

Имеется в виду стихотворение «К другу В<асилию> А<ндреевичу> Ж<уковскому>. По возвращении его из путешествия» (1822).

[^^^]

8

Каллиопа – муза эпической поэзии и красноречия.

[^^^]

9

Цитата из стихотворения «Венецианская ночь. Фантазия» (1825).

[^^^]

10

Гоголь писал о поэзии Козлова: «Глядя на радужные цвета и краски, которыми кипят и блещут его роскошные картины природы, тотчас узнаешь с грустью, что они уже утрачены для него навеки: зрящему никогда не показались бы они в таком ярком и даже увеличенном блеске» (Гоголь, т. VIII, с. 154).

[^^^]

11

Цитата из стихотворения «К Италии» (1825).

[^^^]

12

Цитата из стихотворения «Графине Потоцкой» (1832).

[^^^]

13

Стихотворение «Новые стансы» (1826) не является переводом из Байрона в точном смысле слова; Белинский, очевидно, имеет в виду близость мотивов этого произведения и творений Байрона (например, «Стансов, написанных при оставлении Англии»).

[^^^]

14

Белинский цитирует стихотворение «Подражание сонету Мицкевича» (1828). В качестве образца избран сонет «Покорность».

[^^^]

15

Белинский цитирует стихотворение «Идиллия (Из Андрея Шенье)» (1838).

[^^^]

16

Стихотворение «Байрон» (1824), посвященное Пушкину, ни разу не перепечатывалось при жизни автора ввиду вольнолюбивых мотивов (см. прим. И. Д. Гликмана в кн.: И. И. Козлов. Полн. собр. стихотворений. Л., «Советский писатель», 1960, с. 450).

[^^^]

17

Близость стихотворения Козлова «К морю» (1828) и элегии Батюшкова «Есть наслаждение и в дикости лесов...» (1819–1820) объясняется тем, что оба произведения являются вольными переводами 178-й строфы 4-й песни поэмы Байрона «Паломничество Чайльда-Гарольда».

[^^^]

[^^^]